

ХОЗЯИН

Пьеса в одном акте

Место одноактной пьесы на профессиональной сцене неопределенно. Если в XIX веке она существовала наравне с многоактной, то сейчас ищет пристанища и фактически бездомна. Иногда прибегает к хитрости: «Случай с метранпажем» и «Двадцать минут с ангелом» театр «Современник» соединил вместе и назвал «Провинциальные анекдоты», будто такую пьесу и написал Александр Вампилов. И спасибо за эту «хитрость» «Современнику». Да и я согрешил — сочинил четыре маленькие пьесы, а потом подумал: а кому они нужны? Никому! Взял да и соединил их воедино таким авторским конферансом (не очень-то уложим), и получилась пьеса «Четыре капли».

Одноактные пьесы — комические, драматические, фарсовые, интеллектуальные, абсурдные и прочих жанров — могли бы занять и свое законное место в каждом театре, как занимали в нашем театрально цветущем XIX веке. Мог же великий Щепкин отплясывать в водевилях, дававшихся сразу же после, так сказать, основной пьесы. Я бы с удовольствием посмотрел в одноактных миниатюрах, допустим, Татьяну Доронинову или Иннокентия Смоктуновского, Марину Неелову или Михаила Ульянова. По-моему, это и для актеров любого ранга было бы полезно. Не застаивались бы! Театр, кроме всего, дело веселое, боевое и даже бойкое. Не слишком ли уж мы с ним серьезны и почтительны.

Дорогие главные режиссеры! Проложите дорожку маленьким пьесам на большие подмостки! Попробуйте! Сдунуть, если не понравится, вы всегда можете.

Виктор Розов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Швейцар.

Муза.

Владимир Игоревич.

Геннадий Федорович.

Огромная массивная дверь. Лепка, позолота. Бронзовая ручка величины со спинку венского стула.

Над дверью неоновая вывеска — «РЕСТОРАН». По бокам двери рекламные плакаты: «Фирменные блюда», «Требуйте наш напиток — “Здравствуй, молодость”», «Вино, закуски, фрукты», «Добро пожаловать!».

У двери Швейцар в золотых позументах, как будто в пьесе Леонида Андреева «Анатэма» — «Некто, охраняющий входы».

В вестибюль входит веселая компания молодых людей. Это Муза и двое ее спутников. Все оживлены, даже возбуждены.

Муза остановилась у зеркала, прихорашивается.

Владимир Игоревич. Здесь и отметим.

Геннадий Федорович. Это роскошное заведение. Кормят — пальчики проглотить. Я навещал сюда не однажды.

Муза. Вы уверены — действительно сносно кормят?

Геннадий Федорович. «Уж чужих имений мне не знать!»

Муза. Рискнем. Цыпленка-табака.

Владимир Игоревич. Табака надоело. Жульенчики...

Геннадий Федорович. Нет, нет, осетрину на вертеле здесь готовят превосходно.

Муза. Я не люблю рыбу.

Геннадий Федорович. Братцы-кролики, а я по семушке соскучился. Сюда она заплывает.

Владимир Игоревич идет к двери ресторана. Геннадий Федорович задержался у зеркала.

Швейцар. Местов, граждане, нет.

Муза. Как нет?

Швейцар не отвечает.

Владимир Игоревич. Совсем нет?

Швейцар молчит.

Разрешите посмотреть. (*Хочет пройти к двери, чтоб заглянуть внутрь ресторана.*)

Швейцар (*преграждает ему путь*). Отойдите от двери, молодой человек.

Владимир Игоревич. Я только загляну.

Швейцар. А что там — зоопарк? Чего глядеть? Не видели, как люди кушают?

Владимир Игоревич (*все-таки изощрился и, слегка приоткрыв дверь, заглянул в щель*). По-моему, там есть свободные столики.

Швейцар. А я говорю — нет. Я здесь хозяин, знаю.

Владимир Игоревич хочет проскользнуть в приоткрытую дверь, но Швейцар ловит его за руку.

Не лезь, тебе по-хорошему говорят!

Владимир Игоревич. Без рук, прошу без рук!

Швейцар (*властно*). Местов нет, сказано тебе, хулиган!

Муза. Да вы с ума сошли! Это молодой ученый — Горностаев Владимир Игоревич, кандидат наук.

Швейцар. А у меня, голубушка, у самого сын — член-корреспондент Академии педагогических наук, а дочь — профессор по физике. Мы кандидатов-то в дом и на порог не пускаем. Мы если пирог с рыбой печем — то во-от какую рыбину покупаем. (*Взмахнул руки вширь до отказа.*) Не то что кандидат. Кандидат — что, мелочь одна, кости. Ешь да плюешь.

Владимир Игоревич. Царь выискался!

Подошел Геннадий Федорович.

Геннадий Федорович. В чем дело, братцы-кролики? Меня ждете?

Муза. Не пускают!

Геннадий Федорович. Музочка, не волнуйтесь. (*Швейцару.*) Здравствуйте, Федор Ипатьевич, как жизнь?

Швейцар. Местов нет.

Геннадий Федорович. Знаю, знаю, дорогой, откуда же им быть, местам-то, ресторан не метро, всех не втиснешь. Кому ресторан, а кому за пять тридцать — в подъезде устраивайся на холодке. Верно? (*Смеется.*) Нам как раз один столик на четверых. Эта милая дама диссертацию защитила только что. Восемнадцать шаров, и все белые. Сам понимаешь, отметить следует.

Швейцар (*мрачно*). Местов нет.

Геннадий Федорович. Да что с тобой, Федор Ипатьевич! За мной не залежится, ты знаешь.

Швейцар. Прогони вон того нервного, тогда устрою.

Геннадий Федорович. Чего?

Швейцар. Нервного, говорю, прогони, он плохой.

Геннадий Федорович. Его?

Швейцар. Да.

Владимир Игоревич (*тихо*). Хулиган!..

Муза. Тихо, Володя!

Геннадий Федорович. Да как же я его прогоню? Это мой друг.

Швейцар. С ним не пушу. Он грубый.

Владимир Игоревич. Знаете, дорогой, я сейчас пойду куда следует...

Швейцар (*Геннадию Федоровичу*). Ну вот видите! (*Владимиру Игоревичу*.) Ты меня не смей. Нету теперь этого — «куда следует». Это раньше было «куда следует», теперь нет, пооди поиши. (*Геннадию Федоровичу*.) Ну как же я его пропущу, когда он в порядочном месте себя держать не умеет.

Владимир Игоревич (*Геннадию Федоровичу*). Ты дай ему рубль. Дай, тогда пустит.

Швейцар. Мы рубли не собираем, милый. У меня пенсия сто двадцать рублей, «Жигули» имею, цветной телевизор, ковры, люстра. А по стенам сплошные бра. Ясно?

Муза. Чего?

Швейцар. Бра, вот чего! Это вон Илья на вешалке двугривенные принимает. У него пенсия маленькая, он бедный.

Владимир Игоревич. В конце концов, зачем мы теряем время! Я пойду к директору.

Геннадий Федорович. Не надо, Володя...

Владимир Игоревич. У меня если да, то да, если нет, то нет. Я человек принципиальный. (*Швейцару*.) Где у вас директор?

Швейцар. Справочная на улице за углом налево.

Владимир Игоревич. Прекрасно! (*Ушел*.)

Швейцар. Пускай, пускай ходит. Директор уехал лекции читать.

Муза. Главного администратора найдем.

Швейцар. А главный из Чехословакии делегацию в этом зале принимает. Кушают.

Муза. Ничего, отыщется кто-нибудь.

Швейцар. Никого! Кругом один я.

Геннадий Федорович. Нехорошо, Федор Ипатьевич, как-то не по-товарищески.

Швейцар. Извините, Геннадий Федорович, но не могу. Душа не велит. Без нервной пущу, а с ним ни за какие. Учить таких надо, вот что! Да выбирай ты себе умных товарищей, Гена, а не дураков. Что он тут сразу на принцип полез? По принципу-то один Бог может, а мы — люди, нам нельзя. А уж если по принципу хочешь, ходи голый, принципом своим и обогревайся. Рубликом меня взять захотел, ишь!.. Тут на днях, вижу, раздевается на вешалке мой бывший начальник с женой и детишками, четверо их. И сюда, на меня идет, в дверь. А я: местов нет! Зуб я на него имел, обидел он меня, когда вместе работали. Важничал очень... А он мне: Федор Патьевич, да ты что, это же я, Будальников, здравствуй! И руку свою, потную лапу, тянет. А я ему: здравствуйте, бывшее мое начальство, только местов нет. Он тут юлил у меня у двери, юлил, — очень ему хотелось дочку свою младшую, — день у нее рождения был, — по высшему классу отметить. А я не пустил. Да еще нарочно в положение при жене-то и детях ставил. Дочка-то чуть не заплакала, а он аж красный сделался до лысины. У меня потом целую неделю на душе Первое мая было. А этот твой — рублик! Всё деньги да деньги. А разве можно лучше-то чувства за деньги продавать!

Муза. Зачем же вы сюда работать пошли, если такой богатый?

Швейцар. А я без работы не могу, милая. С детства правильно воспитан, в труде.

Геннадий Федорович. Ну, если ты хозяин, пусти, твоя рука владыка.

Швейцар. Это точно... Ну ладно, люди вы, вижу, приятные, идите. Потом и твоего лядашего пропущу, шут с ним.

Муза. Спасибо вам.

Швейцар. Веселитесь на здоровье. Я люблю людям приятное делать.

Муза и ее кавалер вошли в зал ресторана. Вбегает Владимир Игоревич.

Владимир Игоревич. А где они?

Швейцар молчит.

Вы мне можете ответить, царь?

Швейцар. Могу, да не хочу.

Владимир Игоревич. Почему это?

Швейцар. Говор мне твой не нравится.

Владимир Игоревич. Какой говор?

Швейцар. Тон. Не тем тоном ты со мной разговариваешь.

Владимир Игоревич. А каким же прикажете?

Швейцар. Человек с разными людьми разными тонами говорить обязан. Согласно положению. Если ты просишь, тон у тебя должен быть мягкий, теплый, искательный, а ноты высокие, тонкие. Если наоборот, ты кому замечание делаешь из подчиненных, — тут на среднем регистре — холодно, отрывчато, скупое. А ежели вразнос, — тут всю клавиатуру в ход пускай — греми, рычи, пугай. Ну а, допустим, коли за дамочкой хочешь в целях ухаживать, тут уж с придыханием и дискантом. Или рокочи с перебором на басах: гур-гур-гур... Ну а если с женой или детьми, тут можешь свободно, не следить, тона совсем не надо. Дома семья на то и существует, чтобы человек передышку от жизни имел, волю. А опять за порог ступил, считай — ты обратно в общество. А в обществе тона требуются, много их... Вот со мной разговариваешь, будто я тебе ровня. Это неплохо.

Владимир Игоревич. Как же я с вами должен говорить?

Швейцар. А так, дорогой, чтоб я разницу между тобой и собой чувствовал.

Владимир Игоревич. Какую разницу?

Швейцар. Ну вот что, надоел ты мне. Я тебя жизни учу, а ты что — свои принципы мне показать хочешь? Видал я всякие разные принципы, знаешь, где? В гробу в синих тапочках.

Владимир Игоревич. Может, в белых видели?

Швейцар. Я видел — в синих. Хотел я тебя, невежду, пустить, — они уж там, а теперь ты меня опять расстроил, не могу пустить.

Владимир Игоревич. Они там? Пустите меня. *(Рванулся к двери.)*

Швейцар. Куда! *(Хватает его.)*

Владимир Игоревич *(вырываясь)*. Я вам покажу — тон! Пустите! *(Берется за дверную ручку.)*

Швейцар *(оттаскивает его)*. Да с такими, как ты, только одним тоном говорить надо! Он у меня есть, голубчик. *(Выхватил милицейский свисток, свистит.)*

Вбегают Муза и оба ее спутника.

Муза. Володя. *(Швейцару.)* Вы же хотели его пропустить.

Швейцар. Хотел. А он все порядки нарушает. Я таких знаю, которые с принципами, знаю, чего они хотят. Гнать их отовсюду надо. *(Почти кричит.)* Я здесь хозяин! *(Свистит в свисток.)*

Геннадий Федорович. Братцы-кролики... Братцы-кролики...

Муза и ее спутники быстро уходят из вестибюля ресторана.

З а н а в е с